

АДАТ - ОБЫЧНОЕ ПРАВО КЫРГЫЗОВ

Говоря об источниках кыргызского обычного адатного права, мы должны выяснить значение термина “адат”.

У восточных народов он употребляется для обозначения обычаев или правил поведения, соблюдающихся в обществе в силу установившейся привычки.

Среди ученых нет единого мнения в отношении происхождения этого термина. Большинство исследователей до сих пор считает, что “адат” – слово арабского происхождения, означающее понятие “обычай”. Правда, у арабов для обозначения понятия “обычай” есть и другое слово “урф”, которое употребляется у многих восточных народов в значении слова “адат”. Например, В.П.Кагроманов считает, что слово “адат” азербайджанского происхождения, а не арабского[1.-С. 150].

Чаще всего в литературе слово “адат” употребляется в смысле обычного права.

Под адатом следует понимать вообще обычай народа, т.е. “адат” шире, чем обычное право, которое является совокупностью юридических обычаев. У кыргызов термин “адат” употребляется также в смысле обычая-привычки, причем не делается разграничений между правовым и неправовым обычаем.

Под обычаем в правовой литературе понимают правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение длительного времени. Обычай, получивший санкцию государства, считается правовым, т.е. источником права.

Обычаи в древнем обществе сливались с нормами морали, религии, а также с сознанием и поведением индивидов. Обычай был неотделим от реальных отношений кыргызского общества. Он являлся по своей сути непрерываемым, что обусловлено неизбежностью воплощенного в нем порядка, а также неспособностью людей той эпохи объяснить происхождение обычая: в их глазах он возникает как бы “сам собой”, а поэтому отождествляется с тем, как должно быть”.

На известном этапе развития обычай (точнее определенная их часть) приобретают письменную форму. Часто это было следствием систематизации обычаев, далеко не всегда предполагавшим государственную санкцию.

Обычай может стать правовым также в результате санкции государства. Но нередко и не будучи санкционированным обычай применяется в неформальных традиционных судах, выполняя, по существу, юридические функции.

Обычное право кыргызов и его правовые нормы совпадают с нормами обычного права других народов, особенно – народов Среднеазиатского региона, казахов и с теми, с кем наш народ имеет общие исторические и этнические корни и связи.

Кроме того, сходство и идентичность между нормами обычного права у различных народов еще раз свидетельствует о действии общих закономерностей в историческом развитии. Однако общие параллели и сходство норм обычного права у различных народов не отменяют их особенностей, присущих тем или иным обществам, специфики их социальных условий и исторического развития.

В литературе советского времени обычай трактуется как выражение воли господствующего класса, санкционированной им и обеспечиваемой в принудительном порядке, в целях охраны общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу. Кыргызский адат определялся как обычай, санкционированный манапами, биями и другими представителями феодально-родовой знати для охраны патриархально-феодалных отношений.

Следует отметить, что догматизм и узость такого подхода, явились причиной недостаточного изучения обычного права кыргызов. Односторонность таких исследований сделала невозможным применение цивилизационных, этнографических, культурно-исторических, духовных начал. Любой прогресс в этом отношении рассматривался как проявление национализма.

Кыргызский адат, как и адаты других народов, есть “живое право”, регулировавшее в течение длительного времени традиционные общественные отношения. Живое право, повторял Е.Эрлих, отличается от сухих иероглифов законоведов так же, как стремительный водный поток от застойного пруда. Исходная точка права лежит не в законах, а в самом обществе. Поэтому источник познания права - это в первую очередь изучение жизни и документов конкретного осуществления права (сделки, договоры, судебные решения и др.). Самое право нужно понимать не как систему абстрактных норм, а как живой порядок, как сеть конкретных правоотношений. Право никогда целиком не содержится в текстах законов. Более того, право, зафиксированное в законе, и право, фактически складывающееся на практике, существенно отличается друг от друга.[2.- С. 15]. У кыргызов термин “адат” употреблялся также в смысле обычая-привычки, причем не делалось разграничений между правовым и неправовым обычаем.

Как уже было сказано выше, правовые обычаи являлись исторически первой и наиболее распространенной в дореволюционном обществе формой выражения права. Нормы обычая в условиях кыргызской родоплеменной общины санкционировались судебными решениями.

Абсолютно верным является рассмотрение обычного права кочевых народов, как права “бесклассового”, “общенародного”, одинаково защищающего интересы всех членов общества.

Существующие в науке взгляды на природу общественного устройства кочевых народов, до сих пор весьма разноречивы. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные военные образования.

Структуры кочевой общины веками складывались и приспособлялись к целям и задачам военного быта. Традиционные сословия, сложившиеся у этих народов, скорее всего, оставались лишь сословными и не стали зрелыми классовыми. Высшим сословием общины были беки, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли.

Единство внутри общины, которого требовали вожди, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных различий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно и богатство, принадлежали бы аристократам по крови, выделявшим остальной общине установленную традицией долю добычи и дани.

Таким образом, утверждение, что обычай имеет классовую сущность, не имеет под собой никаких оснований.

Естественно, обычай не являлся чем-то догматически застывшим, сам его характер менялся в зависимости от изменений потребностей общества. В обычном праве нашли свое юридическое выражение жизненные условия общества того времени, те социальные и правовые нормы, посредством которых каждый индивид общества включался в общественную структуру.

В системе правовых взглядов кыргызов нашел свое отражение, прежде всего материальный уклад жизни. Основным занятием кыргызов было пастбищное скотоводство. Скот, главное богатство кыргызов, доставлял им продукт питания, материал для одежды и жилища, а также служил им транспортом. Он также служил им средством обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Нельзя с большей точностью указать на важность скота в жизни кочевников, чем это сделал Ч.Ч. Валиханов, который писал, “что кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой раньше, чем о семействе осведомляются, о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний”[3. - С. 28].

Скот был частно-семейной собственностью. Зато право общинного пользования пастбищами принадлежало всем свободным членам кочевого общества. Однако общинное пользование территорией выпасов не нарушало обычаев потомственного владения

пастбищами родов и племен. Перекочевывали только владельцы стад, а бедняки, у которых почти нет скота, отказывались от перекочевков и оставались круглый год обычно на берегах рек.

Общественное положение каждого отдельного представителя зависело от степени привилегированности его рода и племени. Согласно этнографическим наблюдениям, порядок старшинства рода соблюдался: 1) при определении места в боевом порядке; 2) при разделении военной добычи; 3) при вступлении в дом и рассаживании по местам; 4) при открытии торжества; 5) при представлении качества предлагаемого в гостях и на пирах кушанья.

В кыргызском обществе существовало, конечно и деление по имущественному состоянию: богатый (бай) – бедный (кедей). Баем, по словам Ибн Рузбихана, назывался всякий “влиятельный богач”, владевший большим количеством скота и движимого имущества, включая “дома – повозки” [4. - С. 267]. Богатство представлялось тогда не отделимым от власти, и “люди степи”, по рассказам Мухаммеда Шейбани, “прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в этой бескрайней степи большое состояние”[5. -С. 101]. Богатейшие из кыргызов имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, по много десятков тысяч овец и насчитывали в табунах своих по 15, 18 и даже 26 тысяч лошадей. Для скотовладельцев богатство служило предметом тщеславия. “Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, – пишет А.Левшин, – почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат”[6. - С. 183].

У кыргызов-кочевников бай составляли довольно многочисленную прослойку общества. Однако здесь следует строго оговорить, что бай не составляли особое сословие: бай были и среди знатных и среди незнатных родов. Иными словами бай представляли социально неоднородную группу общества. Богатство, материальное благополучие, несомненно, давали огромные выгоды и определяли престиж в обществе. Тем не менее, однако, с большим состоянием не соединялись особые политические права. Значение отдельных баев в обществе определялось значением рода, к которому они принадлежали.

Из социальной группы особыми правами обладали бии – предводители родов и племен. Слово бий представляет собой позднее видоизмененное старое бек и не встречается в источниках раньше XX века, а тюркское слово бек соответствует монгольскому нойон и арабо-персидскому эмир.

Влияние биев определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых им родов. Бии пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии участвовали в решении общегосударственных дел, сообщая являясь на ежегодно созываемое “народное собрание”. Наиболее влиятельные родоначальники входили в совет биев.

Бий, являясь важным звеном в системе управления, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере, четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель аристократии. Бии - наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления.

Кроме аристократии и простых людей, богатых и бедных, но лично свободных, в обществе кыргызов-кочевников, было какое-то число лично несвободных мужчин (кул) и лично несвободных женщин (кюн). Основными источниками пополнения рабов были: плен, долговая несостоятельность. Юридически рабы представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставила его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним жестоко. Рабы не несли ответственности за свои преступления. Ответственность за преступления рабов несли их владельцы, которые были обязаны вознаграждать потерпевшую сторону за убытки,

причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все виды проступка невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государственных повинностей. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества, – личная зависимость от хозяина.

Таким образом, обычное право кыргызов было обусловлено материальными условиями жизни: особенностью быта, иерархически организованной социальной структурой сословных групп и прослоек.

«Адат, имеющий силу закона, нигде не был специально зафиксирован, а передавался из уст в уста, от поколения к поколению в виде кратких изречений и пословиц»[7.- С. 62].

Обычно, нормы адата не были по своему содержанию одинаковыми в различных местностях, отличавшихся различными экономическими и бытовыми условиями жизни. Партикуляризм является одной из характерных черт кыргызского права дореволюционного периода. Каждое крыло, племя, даже крупные общины стремились иметь свои обычно-правовые нормы. Однако наличие этих различий не говорит о том, что между правовыми нормами, действовавшими в различных местностях Кыргызстана, нет ничего общего.

Несмотря на некоторые особенности юридических обычаев различных местностей, в общих чертах они были одинаковыми.

Так, нормы кыргызского обычного – адатного права по Кыргызстану одинаково решали вопросы гражданского права, отношения между супругами, между родителями, детьми, усыновления и наследования. Одинаково допускали возможность таких мер наказания, как кун (выкуп), айып (штраф) и т.д.

Кыргызское обычное право нельзя рассматривать как некую неизменяемую, постоянно действующую систему. Оно подвергалось изменениям в связи с развитием общественных отношений. Кыргызское обычное право подверглось существенным изменениям в период господства Кокандского ханства в первой половине XIX века в связи с усилением влияния мусульманского права – шариата. Оно значительно изменилось и после вхождения в состав России во второй половине XIX века.

Изменение в норме обычного права, т.е. адатного права, обуславливалось как внутренним развитием кыргызского общества, так и внешним влиянием, что нашло свое отражение в практике суда биев и в “Эреже”.

Литература

1. Каграманов В.П. Преступления в области семейно-брачных отношений. -М., 1950. - С.150
2. Лившиц Р.З. Теория права. - М.,1994. - С.15.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений В 5 т. Алма-Ат.,1985. - Т.2. С. 28
4. Ибн Рузбихан. Записки бухарского гостя. - М., 1974 - С.267.
5. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). - Алма-Ата, 1969.- С.101.
6. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей.- Ч.1-3. Спб., 1832.
7. Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. - Бишкек, 1999. - С.62.